

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ ЛЕКСЕМЫ
«НАСИЛИЕ»**К.В. Еленская**

Аннотация. В данной статье была предпринята попытка систематическим образом осмыслить понятие «насилие» и определить его границы. Характер подачи значений лексемы обусловлен ее релятивностью по отношению к той или иной социальной группе и модифицируется идеологией этой группы. В связи с этим в статье предпринята попытка вывести универсальное определение лексемы «насилие». Автор также выделяет две группы слов, реализующих данное понятие в русском языке, и раскрывает их содержание: 1) слова, фиксирующие различные формы насилия в семантике; 2) слова, являющиеся инструментом языкового насилия. Автор приходит к выводу, что под насилием всегда понимается действие, на которое в принципе невозможно получить согласие лиц, на которых оно направлено, поскольку интересы и права объекта насилия не принимаются во внимание лицом, совершающим акты насилия.

Ключевые слова: насилие, эксплицитная и имплицитная семантика слова, языковые средства насилия.

386 LINGUISTIC PASSPORT OF THE LEXEME "VIOLENCE"

К.В. Elenskaia

Abstract. The article attempted to systematically reflect on the concept of "violence" and define its limits. The nature of presenting the values of the lexeme is determined by its relativity in relation to this or that social group and is modified by the ideology of that group. In this regard, the article attempts to derive a universal definition of the lexeme "violence". The author also singles out two groups of words implementing this concept in Russian and reveals their content: 1) words fixing different forms of violence in semantics; 2) words being an instrument of linguistic violence. The author concludes that violence has always been understood as an action to which, in principle, it is impossible to obtain the consent of the persons to whom it

© Еленская К.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

is directed, since the interests and rights of the object of violence are not taken into account by the person committing acts of violence.

Keywords: *violence, explicit and implicit semantics of the word, linguistic means of violence.*

На протяжении истории (от первобытного общества до современного) человечество сталкивается с проявлением насилия и агрессии. Начиная с эпохи становления человеческой цивилизации, все виды насилия были направлены на одно: уничтожение и захват чужого.

Несмотря на то, что в настоящее время материальный уровень жизни в развитых странах значительно вырос, а следовательно, у людей исчезла необходимость бороться за базовые ресурсы для удовлетворения основных потребностей, человеку по-прежнему свойственны агрессия и насилие.

Сегодня для многих членов социума развитых стран стало важным иметь возможность реализовать свой духовный потенциал. Это предполагает серьезное внимание к качеству социальной среды, одним из составляющих которой является фактор насилия, препятствующий самореализации человека.

Лексема «насилие» в современных словарях русского языка толкуется не всегда одинаково. Характер подачи значений лексемы обусловлен ее релятивностью по отношению к той или иной социальной группе и модифицируется идеологией этой группы (ср. «Большая медицинская энциклопедия»: насилие — *воздействие на человека различных факторов окружающей среды, которые, нарушая физиологические функции или анатомическую целостность тка-*

ней и органов, приводят к расстройству здоровья или к смерти [1]; «Большая советская энциклопедия»: насилие — *применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении др. классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий* [2]).

Понятие «насилие» может рассматриваться в широком и узком смыслах. В широком понимании *насилие* — это любой вид ограничения свободы выбора другого человека. Однако если слепо следовать этому определению, мы приходим к выводу, что наша повседневная жизнь во многом строится на насилии. Чтобы избежать подобного, целесообразнее взять за основу определение *насилия* в узком его понимании: *насилие* — это действие, совершаемое без согласия на то лица, на которое оно направлено, и ограничивающее объект насилия в законных правах и свободах. Такие действия в общественном сознании имеют четко выраженную негативную оценку. Подобное толкование было зафиксировано еще в словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. («Насилие — принуждение к чему-либо силой и вопреки законам» [3]).

С лингвистической точки зрения можно выделить две группы слов, реализующих в языке понятие «насилие»:

А) слова, фиксирующие в семантике разнообразные формы насилия (*убийство, жертвоприношение, репрессия, расстрел...*).

О масштабности насилия свидетельствует огромное число слов, представляющих это социальное явление.

Здесь можно выделить две подгруппы:

- В толковании имеется синоним слова «насилие» (*линчевать — подвергнуть самосуду, так наз. суду Линча, применяемому реакционной буржуазией США для зверской расправы с революционными деятелями* [4]; *иго — угнетающая, поработывающая сила* [там же]; *угнетать — 1. Жестко притеснять, не давать свободно жить, эксплуатировать. 2. Мучить, отягощать сознание, душу* [там же]);

Лексемы «расправа», «сила», «притеснять», «эксплуатировать», «мучить», наблюдаемые в приведенных выше толкованиях, обладают значением и стилистической окраской, во многом тождественными слову «насилие».

- В толковании имеется квази-синоним (в т. ч. окказиональные синонимы) слова «насилие» (*вивисекция — вскрытие живого животного, живого организма с научной целью* [там же]; *кабала — перен. Полная, почти рабская зависимость* [там же]; *эксплуатация — использование для каких-н. целей* [там же]).

Лексемы «вскрытие», «зависимость», «использование» сближаются с содержанием лексемы «насилие» только в определенном контексте.

Важно отметить, что все указанные выше слова сами по себе не являются инструментом насилия. Они лишь репрезентируют насилие на лексическом уровне. В связи с этим

они могут быть разделены на лексико-тематические группы, фиксирующие формы насилия в той или иной области жизнедеятельности человека.

Например, в военной сфере: *истребитель, расстрел, расстрелять, снаряд, бомбить, концлагерь, газовые камеры* и т. п.

В сексуальной сфере: *изнасилование, насиловать, насильник, сексуальный маньяк, отыметь, доминирование, растление, педофилия* и т. п.

В религиозной сфере: *инквизиция, крестовый поход, заклятие, жертвоприношение, обрезание, распятие* и т. п.

Большее или меньшее число лексем, входящих в состав лексико-тематической группы, свидетельствует о большем или меньшем уровне распространенности данной формы насилия в обществе вообще или в определенном историческом периоде в частности. Так, в современной России по отношению к военному периоду часть молодежи не сможет объяснить, что такое газовая камера. Эта форма насилия не актуальна для их языкового сознания — это для них историзм.

Б) слова, являющиеся инструментом языкового (речевого) насилия.

Будучи знаковой системой, язык обладает широким набором единиц различных структурных уровней, посредством которых один индивид может совершать манипулятивные и насильственные действия по отношению к другому. О.А. Коврижных и Л.В. Бутыльская в книге «Политическое насилие: языковое манипулирование общественным сознанием» утверждают, что «языковое манипулирование во многих случаях является единственным эффективным спосо-

бом регуляции человеческого поведения. Это в первую очередь прослеживается в сферах воспитания и образования, в семейных отношениях, на производстве и во всех тех ситуациях, в которых наличествует факт языкового контроля» [5].

На бытовом уровне это может выражаться в любых **ультимативных предложениях**. Например, обращение родителя к ребенку в форме: «будешь плохо себя вести — не буду тебя любить», обращение учителя: «не исправишь оценки — вызову родителей»; обращение начальника к подчиненному: «не сделаешь в срок — лишь премии» и т. д.

Другим наиболее распространенным инструментом языкового насилия является **навешивание ярлыков** (социальных, идеологических и пр.). По мнению психологов, в ряде случаев подобное поведение — это защитная реакция индивидуума на избыток информации. Короткое, но емкое слово вызывает в сознании целый ряд ассоциаций, позволяющих человеку быстро сделать вывод, принять решение и не затрачивать на подобные действия дополнительные ресурсы. Так, в школьной среде бытуют ярлыки *двоечник, неуч, ботан, лоботряс, отстающий, трудный*; а в повседневной жизни можно встретить такие социальные ярлыки, как *блондинка, бабка, мачо, плейбой, бабник, кобель, гопник, быдло, секс-символ, алкаш, жмот, неудачник, карьерист, самодур и пр.*

— Это что за *мачо* там мелькает? Все-таки бросила мужа и переключилась на крепких юношей? [Алексей Слаповский. Любовь по-нашему // «Знамя», 2003].

Идеологические ярлыки выполняют ту же функцию, а именно,

упрощают процесс восприятия того или иного явления, сводя его к принятому определенной политической или идеологической группой шаблону. Такие ярлыки направлены не только на одного индивидуума, но и на группу лиц или целое государство. Ср. советизмы: враг народа (*Активный противник социалистического строя и народа, создавшего этот строй, наносящий вред обществу делу* [6]), вредитель (*Контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить реставрацию капитализма; диверсант* [там же]); мещанин (*Человек с мелкобуржуазными интересами, узким кругозором, обыватель* [там же]); несознательный (*неодобр. Лишенный классового самосознания, политический отсталый* [там же]). В демократической прессе: совок (*1. разг. Советский Союз. 2. ирон. или пренебр. Советский человек, житель СССР. 3. неодобр., пренебр. Что-либо, пронизанное советской идеологией. 4. Неодобр., пренебр. Яркий сторонник коммунистов (в постсоветский период* [там же]); коммуняка (*пренебр. Коммунист* [там же]); красно-коричневые (*1. Название общественно-политических сил и движений национал-коммунистической ориентации (в России после 1993 г.). 2. Представители таких сил* [7]). В прессе Запада: Империя зла (*неодобр. О Советском Союзе (с точки зрения США)* [6]), русский Иван и т. д.).

В отношении **инвектив** ситуация складывается не так однозначно. Насильственный характер инвектива начинает приобретать лишь тогда,

когда ее содержание выходит за пределы культурной нормы, принятой конкретным социумом, и достигает своего апогея в вербальных конструкциях, репрезентирующих запретное поведение. Такое табуированное поведение может касаться различных сфер жизни общества, например:

- Сексуальная сфера (нарушение принятых конкретным социумом норм сексуального поведения: *шлюха, шалава, гомик, трансвестит, петух, рогоносец, извращенец, импотент*);

- Уж лучше мой Николай, чем ты, *импотент проклятый!* [Элеонора Церниш. Импотент // «Криминальный отдел», 2010].

- Религиозная сфера (инвективы вербализируют желание говорящего вывести адресата сообщения из-под покровительства бога: *иди к черту, будь ты проклят, гори в аду, черт возьми*);

- Гастрономическая сфера (в инвективе осуществляется перенос с запрещенной или не принятой к употреблению пищи на человека, ее употребляющего: *лягушатник*, производные от слов «свинья», «собака», «жуки», «насекомые», «личинки» и конструкции с ними);

- Я чуть не упал в обморок: французик, «лягушатник», а понял, о чем речь [Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976–1981)].

- Китайцы — *насекомоядные падалицы* [комментарий в социальной сети vk.com].

- Сфера семейных отношений (оскорбление направлено не на самого адресата, а на родственника, наиболее почитаемого в конкретной культуре: *мать твою за ногу, е* твою мать, твоя мать — шлюха, сукин сын*);

- Социальная сфера (нарушение норм поведения, принятых данным

обществом, в связи с приобретением определенной социальной роли: *яж-мать, яжбать. понаехавший*).

- у меня своя история про *яж-мамку* и ее личинку-школьника, которая произошла со мной примерно год назад [комментарий в социальной сети vk.com].

Основная цель инвективы — социально дискредитировать субъект посредством использования соответствующих слов и конструкций оскорбительного характера. Инвектива не предполагает никаких действий. **Угроза** же предполагает выражение намерения нанести адресату разного рода вред в виде конкретных действий, направленных на получение выгоды. Это может быть физическая расправа (*удавлю, убью, утоплю, сожгу*) или действия другого характера (*разоблачу, разглашу, пожалуюсь, уволю*).

Лексема «насилие» нередко окказывається смежной со словами тематического ряда «агрессия». Однако здесь можно выделить несколько принципиальных отличий.

Во-первых, субъектом, или автором, насилия может быть только человек, в то время как агрессия свойственна любому живому существу (ср. «это животное проявляет агрессию», но не «это животное хочет совершить насилие»).

Во-вторых, объектом насилия может быть только живое существо (другой человек, животное); агрессивные действия могут быть направлены в том числе и на предмет (напр., *выбить окна, выломать дверь*).

В-третьих, агрессия обычно сопровождается состоянием тревожности и/или злости (*наброситься, разъяренный, озвереть* и т. п.).

– Старшая сестра жениха, та самая толстуха-повариха, ворвалась к Вере и *набросилась*, обвиняя на смеси языков в коварстве, колдовстве и соблазнении [Александр Снегирев. Вера (2015)].

Насилие же может совершаться человеком, пребывающим в абсолютном спокойствии.

– ...кого-то он *насиловал*, совершенно не считая при этом, что насилует [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)].

Важно осознать, что насилие — не универсальное понятие, оно основывается на субъективном восприятии той

или иной ситуации в зависимости от принятых конкретным социумом норм, правил и традиций. Однако при всей субъективности оценки, под насилием всегда понимается действие, на которое в принципе невозможно получить согласие лиц, на которых оно направлено, поскольку интересы и права объекта насилия не принимаются во внимание лицом, совершающим акты насилия.

В этой работе была предпринята начальная попытка системным образом осмыслить содержательный аспект лексемы «насилие» и определить ее границы. Работа над данной темой будет продолжена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. акад. Б.В. Петровский 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974–1989.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 17. Моршин — Никиш. 3-е изд. / глав. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 616 с.
3. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т. II. СПб., 1847.
4. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ, Мир и Образование, 2018. 1360 с.
5. *Коврижных, О.А., Бутыльская, Л.В.* Политическое насилие: языковое манипулирование общественным сознанием. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 256 с.
6. *Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
7. *Ефремова, Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1. А-Л. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. 1168 с.
8. *Бегун, В.В., Салимовский, В.А.* Цинизм и пошлость в масс-медийном дискурсе (лингвоэкологический аспект) // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию проф. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2009. 33 с.
9. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004.
10. *Еремин, А.Н., Петрова, О.О.* Метонимия на газетной полосе (значения и употребления): монография. Калуга, 2020. 74 с.
11. *Кара-Мурза, С.Г.* Власть манипуляции. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2009. 380 с. (Социально-политические технологии).
12. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов. 1999.
13. *Солганик, Г.Я.* Введение // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 8–26.

14. *Тен, А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
15. *Энтитейн, М.Н.* Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

REFERENCES

1. Begun V.V., Salimovskiy V.A. “Tsinizm i poshlost v mass-mediynom diskurse (lingvoekologicheskiy aspekt)”, in: *Rechevoye obshcheniye i voprosy ekologii russkogo yazyka. K 80-letiyu prof. A.P. Skovorodnikova.* Krasnoyarsk, 2009. (in Russian)
2. *Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya: v 30 t.*, ed. B.V. Petrovskiy, 3-e izd. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1974–1989. (in Russian)
3. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*, t. 17, Morshin — Nikish, 3-e izd., ed. A.M. Prokhorov. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1974, 616 p. (in Russian)
4. *Bolshoy akademicheskoy slovar russkogo yazyka*, ed.: L.I. Balakhonova, Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled. Moscow, Sankt-Petersburg, 2004. (in Russian)
5. Efremova T.F. *Sovremennyye tolkovyye slovar russkogo yazyka*, v 3 tomakh, t. 1. A-L. Moscow, AST, Astrel, Kharvest, Lingua, 2005, 1168 p. (in Russian)
6. Epshteyn M.N. Ideologiya i yazyk (Postroyeniye modeli i osmysleniye diskursa), *Voprosy yazykoznaneya*, 1991, No. 6, pp. 19–33. (in Russian)
7. Eremin A.N., Petrova O.O. *Metonimiya na gazetnoy polose (znacheniya i upotrebleniya): monografiya.* Kaluga, 2020, 74 p. (in Russian)
8. Kara-Murza S.G. *Vlast manipulyatsii*, Izd. 2-e. Moscow, Akademicheskoy Proyeckt, 2009, 380 p. (in Russian)
9. Kovrizhnykh O.A., Butylskaya L.V. *Politicheskoye nasiliye: yazykovoye manipulyrovaniye obshchestvennyy soznaniyem.* Moscow, Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”, 2015, 256 p. (in Russian)
10. Mokiyeenko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar yazyka Sovdeprii.* Saint-Petersburg, Folio-Press, 1998. (in Russian)
11. *Noveyshiy filosofskiy slovar.* Minsk, Knizhnyy Dom, A.A. Gritsanov, 1999. (in Russian)
12. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: Okolo 100000 slov. terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy*, ed. L.I. Skvortsova, 27-e izd.. ispr. Moscow, Izdatelstvo AST, Mir i Obrazovaniye, 2018, 1360 p. (in Russian)
13. *Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka. sostavlennyy vtorym otdeleniyem Imperatorskoy akademii nauk*, t. II. Saint-Petersburg, 1847. (in Russian)
14. Solganik G.Ya. *Vvedeniye, Yazyk SMI i politika*, ed. G.Ya. Solganika. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, Fakultet zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova, 2012, pp. 8–26. (in Russian)
15. Ten A. van Deyk. *Diskurs i vlast: Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii.* Moscow, Knizhnyy dom “LIBROKOM”, 2013, 344 p. (in Russian)

Еленская Кристина Валерьевна, аспирантка, старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, kr-elenskaya@yandex.ru

Elenkaia K.V., Post-graduate Student, Senior Lecturer, Russian as a Foreign Language Department, Tsiolkovsky Kaluga State University, kr-elenskaya@yandex.ru